

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №8 2023 ГАЗЕТА

«Где земли моей начало?..»

МЫ ЖИВЁМ В ГЕРОИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Дорогие друзья! Хочу поздравить победителей, лауреатов премии, всех, кто участвовал в конкурсе с хорошей работой. Наша партия всегда была на передовой линии в борьбе за чистоту российской культуры, сохранение её традиций, поддержку молодых талантливых авторов. Литературная премия «В поисках правды и справедливости» существует восемь лет. За эти годы она получила признание, превратилась в важное событие в литературной жизни страны. Едва ли сегодня можно назвать сколько-нибудь известного молодого литератора, который бы не был победителем или лауреатом нашей премии. Культура — такой же гарант целостности и национальной безопасности страны, как и её военная мощь. Об этом следует помнить всегда, но в дни СВО особенно. Учитывая ситуацию, в этом году мы расширили возрастные рамки конкурса. Меня радует, что сердца молодых писателей, поэтов, публицистов бьются в одном ритме с сердцем народа. Наша общая цель — победа, и мы её обязательно добьёмся! Только тогда мы сможем обеспечить национальную безопасность страны и определить достойное будущее России на поколения вперед. «Самая большая ценность народа — это язык — язык, на котором он пишет, говорит, думает», говорил в своё время академик Дмитрий Лихачёв. Добавим к этому литературу. Партия «Справедливая Россия — За правду» сегодня формирует новую идеологию в области культуры, науки, просвещения, воспитания подрастающих поколений. Процесс оздоровления всех сторон общественной жизни набирает силу, его уже ничто не остановит.

Мы живём в героическое время. Я верю, что оно получит (и уже получает!) достойное отражение в творчестве молодых писателей России. Великие испытания всегда давали миру великие художественные произведения. По ним потомки будут судить о нашем времени и о нас с вами. Объявляю очередной сезон литературной премии «В поисках правды и справедливости» открытым!

СЕРГЕЙ МИРОНОВ,
Председатель Жюри премии «В поисках правды и справедливости»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**

Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №8 /1925/ Основана в 1927 г.

«Где земли моей начало?..»*

Не ошибиться в кумирах

У каждого поколения свои кумиры. Это обязательная часть становления, взросления и движения в ногу с молодого возраста до старения каждого из нас. Любимые артисты, музыканты и поэты врываются в нашу молодую жизнь. Обретают право говорить от нашего имени. Мы радуемся их творческим взлетам и с болью воспринимаем их постепенный закат. Дедушки и бабушки моего поколения сверяли свои часы по Клавдии Шульженко, Марку Бернесу, Леониду Утесову; родители — по Владимиру Высоцкому, Муслиму Магомаеву, Елене Образцовой, Роберту Рождественскому и многим-многим другим талантам. Нашу молодость сегодняшних сорокалетних-пятидесятилетних озабрала гитарная музыка. Многотысячные стадионы слушателей собирались на концерты рок-музыкантов: сочетание смелых текстов под жесткий гитарный ритм воспринималось нами в 80–90-е годы прошлого века как бескомпромиссные откровения, как настоящий глоток свободы.

У наших детей сегодня свои, уже новые кумиры, и это нормально. Нормально, что продолжается извечный спор отцов и детей. Каждое повзрослевшее поколение предано по-прежнему своей молодости, своим музыкальным увлечениям, своим признанным в молодости талантам. Когда-то они отдавали частичку себя. А миллионы благодарных слушателей и зрителей верили во взаимность наших незримых нитей единого понимания мира, мальчишеской уверенности в возможность его изменить.

Сегодня сотни тысяч наших молодых парней на войне, тысячи матерей потеряли своих сыновей, а им в спину вчерашний пророк кричит «фашисты», да еще и деньги собирает для бандеровцев на убийство наших ребят.

Новая война и ситуация выбора высветили нравственную позицию многих, и смысл спетых когда-то песен наконец обрел катастрофический финал. Стало ясно, кто выбрал себе удел находиться в тепленьком «аквариуме» и пить «за тех, кто в море», а кто сам вышел в открытое море защищать «город золотой» — это другие ребята, крепче духом. Они остались защищать Родину, в то время как бывшие музыкальные кумиры сбегали, крикнув, что «сыты по горло древнерусской тоской». Впрочем, они никогда этого и не скрывали.

Нашему поколению, воспитанному на книгах русских классиков, на историях ветеранов Великой Отечественной войны, на фильмах о профессии «Родину защищать», не нужна никакая «машина времени», чтобы понять, что двигало нашими дедами в 1941-м, когда они шли добровольцами на фронт, и что они чувствовали, когда видели поверженный рейхстаг.

Сегодня многие кумиры падают с пьедестала, становятся именами нарицательными и навсегда — предателями.

Очень хочется сохранить незапятнанным и чистым окно в свою молодость, сохранить светлую веру в себя: каждый из нас по совести, по зову сердца защищает родную страну, нашу русскую культуру.

Руслан ТАТАРИНОВ, Председатель Оргкомитета премии

* Рустам Каженкин.

ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания Жюри ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ

Москва, Государственная Дума

16 февраля 2022 года

Присутствовали:

Миронов Сергей Михайлович — Председатель Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Председатель Социалистической политической партии «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ**», Руководитель фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Члены Жюри: Азарина Алла Александровна, Заслуженная артистка РФ; Арутюнов Сергей Сергеевич — преподаватель кафедры творчества Литературного института им. М. Горького; Драпекко Елена Григорьевна — депутат фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в ГД ФС РФ, Первый заместитель Председателя Комитета по культуре ГД ФС РФ; Еременко Владимир Владимирович — писатель, главный редактор газеты «Литературная Россия»; Есенкин Борис Семенович — Президент ТД «Библио-Глобус»; Зиновьева Ольга Мироновна — сопредседатель Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня», почётный президент Международного общества «Россия — Германия», руководитель Международного научно-образовательного центра им. А. А. Зиновьева философского ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова; Иванов Николай Федорович — Председатель Союза писателей России; Иванов Геннадий Викторович — Первый секретарь Союза писателей России; Козлов Юрий Вильямович — писатель, главный редактор журнала «Роман-газета»; Козырев Алексей Павлович — и.о. декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Конкин Владимир Алексеевич — Заслуженный артист РФ; Кузьмина Ольга Игоревна — старший обозреватель газеты «Вечерняя Москва», преподаватель МГИМО; Куняев Сергей Станиславович — заместитель главного редактора журнала «Наш современник»; Куприянов Александр Иванович — главный редактор газеты «Вечерняя Москва»; Марусенков Вячеслав Валентинович — декан ВГИК; Никонорова Екатерина Васильевна — заведующая отделом периодических изданий Российской государственной библиотеки, главный редактор журнала «Обсерватория культуры»; Полтавец Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, преподаватель МПГУ; Румянцев Андрей Григорьевич — писатель, поэт; Русакова Елена Васильевна — ответственный редактор журнала «Роман-газета»; Рыжак Николай Иванович — член Союза писателей России; Черемухин Виктор Иванович — член Правления Союза журналистов Москвы; Шишкин Евгений Васильевич — писатель.

Ряд членов жюри приняли участие в заседании и голосовании по вопросам повестки заочно.

Повестка:

1. О подведении итогов ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ** 2022 года по теме «Во имя России! Традиция — побеждать» (далее — Премия);
2. Утверждение списков победителей и лауреатов Премии.

Миронов С. М. поблагодарил членов Жюри за объективность оценок, высказал свои предложения по награждению победителей и финалистов Премии. Председатель Жюри рассказал о результатах рабочего визита в Херсонскую и Запорожскую области, где он встречался с бойцами полка Минобороны, над которым партия взяла шефство. С. М. Миронов также сообщил, что Татаринов Руслан Владимирович — Председатель Оргкомитета ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Руководитель аппарата фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в настоящее время находится на военной службе в зоне специальной военной операции по защите Донбасса, денацификации и демилитаризации Украины.

По вопросам повестки также выступили члены Жюри.**По первому и второму вопросам решили:**

1. Утвердить следующий список победителей Премии в номинациях:

«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»

I место: Теплова Инна, цикл стихотворений «В преддверии фантомного рассвета» (Калужская область);

Лобанов Сергей, цикл стихотворений «На Херсонском направлении» (Ставропольский край);

II место: Пеклов Вадим, цикл стихотворений «Ты помнишь, Мага» (Москва);

III место: Дорофеев Виталий, цикл стихотворений «Чат» (Кемеровская область).

Специальными дипломами Премии отметить военного корреспондента **Пегова Семёна** (Смоленская область); **Хваткова Александра** (Республика Башкортостан).

«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»

I место: Дегтерев Николай, повесть «Мир, Родина, я» (Вологодская область);

II место: Казанцева Евгения, рассказ «Чугунный юнга» (Архангельская область);

III место: Чернов Сергей, сборник рассказов «Другая жизнь» (Воронежская область); **Гумерова Альбина**, сборник рассказов «Взгоды и урядицы» (Республика Татарстан);

Специальным призом отметить **Коновалова Дмитрия**, рассказ «Одна» (Калининградская область).

«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»

I место: Беседин Платон, статья «Мечта как выход из матрицы» (Севастополь);

Зернаков Алексей, цикл репортажей «Донбасс: война и мир» (Москва);

II место: Тарапата Юлия, цикл репортажей «И только мы, плечом к плечу» (Москва);

III место: Абрамов Антон, документальная книга «Сталинградское Междуречье» (Волгоградская область);

Специальными дипломами Премии отметить:

1) Коллектив авторов серии книг патриотической поэзии и прозы о СВО «Специальная вербальная операция: КУЛЬТУРА СПАСЁТ МИР» (Луганская Народная Республика);

2) Сборник публицистических и научных работ, посвященных Году А. А. Зиновьева в России.

Председатель Жюри **С. М. МИРОНОВ**
Председатель Оргкомитета **Р. В. ТАТАРИНОВ**

ПРОЗА

Николай ДЕГТЕРЕВ

«Мир, Родина, я»

ПЕРВАЯ ГЛАВА

I

Лето. Пыльный двор в одном из поселков нашей необъятной Родины, может, СССР, может, уже СНГ, но точно еще не России. Во дворе мало машин и много детей. И один из них — я.

Солнце — ласковое, пыль — умеренная.

Мы играем в войнушку. Сейчас наш отряд совершает торжественное построение. Наш командир — Колян, высокий худой парень из последнего подъезда в нашем доме — отдает приказы. Он командир, потому что ему шесть, а нам, остальным, — по пять лет.

Мы строимся в линию. Строиться надо по росту, поэтому я оказываюсь в конце.

«Кругом!» — командует Колян. Я разворачиваюсь вокруг своей оси. Хочу повернуться еще раз, но подходит Колян и останавливает меня. «Надо не так», — говорит он и начинает объяснять. Я не могу его понять. «Так это же половина круга!» — говорю. «Все равно, так надо!» — настаивает он. «Ты-то откуда знаешь?» — не унимаюсь я. «Папа говорил. В армии так делают», — объясняет Колян. Я еще хочу спорить, но не знаю, как возразить. Хмурю брови и встаю в строй.

«Кругом!» — снова командует Колян. Я делаю полукруг, как он и говорил. Все остальные тоже так делают. «Вот, теперь правильно», — довольно говорит Колян.

И вдруг на меня наваливается такая огромная, такая тяжелая тоска, что я начинаю реветь, от усталости сажусь на корточки и реву сидя.

«Эй, ты чего?» — удивляются парни и обступают меня со всех сторон. Они растерянные, не знают, что делать. Я сижу в их кольце и реву.

«Может, обиделся?» — спрашивает кто-то из них. «Да я ничего обидного не сказал», — оправдывается Колян и, судя по голосу, сам чуть не плачет.

— Я не... я не оби... — пытаюсь сказать я, но у меня ничего не получается.

Какая-то женщина кричит издали:

— Эй, вы зачем мальчика обидели?! — и идет к нам.

Пацаны расступаются, размыкая кольцо, и начинают оправдываться наперебой: «Да мы ничего не сделали, он сам!» Я и сам вскакиваю, кричу женщине: «Они ни при чем! Я сам заплакал!» — и бросаюсь со всех ног к своему подъезду. Распахиваю дверь, забегаю в его прохладный сумрак, где чуть пахнет плесенью из подвала. Бегу по лестнице на четвертый этаж.

Пока бегу, тоска куда-то бесследно исчезает, слезы заканчиваются так же неожиданно, как и начались. Я захожу домой уже спокойный. Вытираю мокрые ще-

ки, чтобы никто ничего не заметил. Мамы и Лёхи нет дома, они, наверное, у соседей. Папа сидит на кухне, курит и читает книгу. Я тихонько прохожу, он не замечает меня. Захожу к нам, в детскую, и встаю у окна.

За окном — теплый летний вечер. Пыльный остывающий двор, в котором мало машин и много детей. Мои друзья все так же тренируют команду «Кругом!». Они уже забыли про меня. А я не могу идти к ним — мне стыдно за мои неожиданные слезы. Да и что я буду как дурак бегать туда-сюда.

Я поднимаю глаза и вижу вдали реку, железнодорожный мост через нее, голубое, но уже в розовых подтеках небо. И три отчетливые мысли — нет, не мысли, а чувства, даже ощущения — посещают меня:

1. Этот вечер я запомню навсегда.

2. Я когда-нибудь умру.

3. Я живу. Вернее, тот, кто живет, тот, кто думает, переживает, ощущает все это, — и есть я.

Так в первый раз закончилось мое детство. Вернее, так я начал понимать. Просто — понимать.

II

Однажды — много позже, когда я уже учился в Литинституте — мы с друзьями пьянствовали в общаге, и тогда слово за слово (попробуй передай логично все эти разговоры — не получится) начался разговор о «детстве золотом». Ребята вспоминали, как их били, что во двор нельзя было выйти, что обязательно нужно было принадлежать к какой-нибудь группе — потому что только группа давала защиту, — и все сходилось на том, что «детство золотое» — это ложь, обман, что детство даже мрачнее того, что идет после.

Чем закончился тот разговор, я потом не вспомнил. Да и закончился ли он вообще? Но я и тогда уже подумал, что у меня — уж кто его знает, что за преступность у них там в городах, — что у меня детство было как раз золотое. При том, что меня тоже, случалось, били и чмырили. Но на золотоносность детства это никак не повлияло.

Золота оттуда было просто не убрать. Иногда, когда я остаюсь один и на меня накатывает ностальгия, я пытаюсь вспомнить самые первые, начальные «кадры» моей жизни, что-то, что было совсем давно и словно не со мной, потому что я был настолько мал, что едва только учился запечатлеть в своей памяти эти картинки-состояния. И вот когда я напрягаю память, то первое, что отчетливо понимаю, это то, что

все окрашено в яркие тона. Да нет, «окрашено» — не то слово. Все буквально светится тем светом, источник которого — непонятен. Как будто вещи (и люди?) светятся сами по себе. Любое воспоминание — о тех временах — именно такое. Как будто в детстве было одно вечное лето — никакой зимы. Не детство, а сплошная Чунга-чанга. Разница только в том, что Чунга-чанга — это скупой островок с одной пальмой, а мое детство — мир огромный, просторный, сверкающий тысячью граней, как волшебный кристалл, имени которому не подобрать.

Первым всегда приходит на ум солнечный речной пейзаж, в котором ни меня, ни Лёхи, ни родителей не было. Была река, сверкающая, искрящаяся на солнце, почти звенящая этими переливами бликов — и мост через нее. Еще тот, старый, дореволюционный, начала XX века, выгнувший спину, как проснувшийся кот. Его разобрали потом, в конце 90-х, но в пейзаже он все-таки был, как и валуны на берегу.

Недалеко от шлюза довольно крутой берег был забросан (или украшен — поди разбери) огромными камнями, доисторическими, принесенными сюда какими-то страшными великанами, канувшими уже в прошлое. По этим камням так интересно было в детстве прыгать! Они спускались к реке и будто входили в нее. А на том берегу — дачный поселок с неровными разноцветными домиками. И зелень, зелень, много зелени. А на этом — пыльная дорога, выложенная кое-где плитами, а в основном просто наезженная. Много песка, тоже искрящегося, почти золотого. И странное какое-то сооружение, смысла которого я никогда не мог понять. И тоже — зелень, кусты, старый забор, с дырами, какого-то кооператива, а там, вдали, на горе — центр поселка. И никого нет, ровным счетом никого, ни одного человека. И только музыка — вот что было самое удивительное. Музыка — откуда она здесь? Эта картинка явно была не воспоминанием, а каким-то наложением нескольких воспоминаний. Иначе — откуда тут взялась музыка?

Лёха рассказывал — не тогда, конечно, а уже после физфака МГУ, — что память так устроена, что достраивает в прошлом недостающие, забытые моменты, чтобы создать цельный образ. Вот и тут было так же.

И музыка была знакомая, то ли Легран, то ли Мариконе, я никогда композиторами не интересовался, поэтому и не различал. Она звучала в фильме — тоже забыл, каком, — который часто показывали в том времени. И эта музыка придавала объем, смысл, дыхание — и реке, и мосту, и поселку, и пыльной песчаной дороге, и валунам, спускающимся в глубину.

И вот это-то было — счастьем. Я часто — уже позже, особенно когда работал в церкви, — задумывался над тем — и даже спрашивал у друзей и в основном находил подтверждение, — почему «счастье» всегда не динамично. Почти у всех «счастьем» было нечто подобное: река, лес, поле, любая природа, как бы успокоившаяся, заснувшая. Почти ни у кого — город; я даже у городских спрашивал. Вернее даже так: у городских-то исключительно и была — природа.

Это здешние, наши, поселковые иногда вопроса не понимали и начинали сочинять — от ума, а не от первой ассоциации.

Не есть ли, в конце концов, думал я, в тот момент катехизатор храма, это уснувшее «природное» счастье — отголосок того, иного мира, мира, в котором нет борьбы, бега, соперничества? Не есть ли, короче говоря, такая природная картинка — воспоминание о потерянном рае? Тогда, по крайней мере, я решил для себя это дело именно так. Душа помнила рай — и скупыми земными средствами пыталась его нарисовать. Но даже то, что получалось у неумелой души, выходило — прекрасно.

III

И — нет, нет, это не единственное «райское» воспоминание, связанное с детством. Было еще одно.

Однажды во время исповеди я рассказал батюшке о проблеме, которая тогда меня мучила: я мог чувствовать правосудие Божие, мог представить Бога-Судию, а вот Бога как Любовь представить не мог. Хотя иногда я и чувствовал прикосновения этой любви, но они были мимолетны, их быстро съедала повседневность и мое уныние.

Не помню, что ответил мне батюшка. Дело было не в ответе, я думаю, а в том, что он помолился за меня. И — в прикосновении Любви.

Стоя на службе после исповеди, я вдруг вспомнил... Хотя слово «вспомнил» здесь не подходит. Я как бы вдруг заново пережил это состояние, один момент своего детства.

Я вспомнил, как мы с мамой и братом — она вела нас за руки, мы еще были маленькими — шли по дороге, между гаражами и пустырем. Теперь на этом пустыре торговый центр.

Был просто солнечный летний день, и мы шли по дороге. Описывать-то тут нечего. Но в этот момент — и вот это самое главное, что мне удалось пережить, — в этот момент детства в душе у меня была абсолютная безмятежность. Вот что я пережил вдруг, заново! Эту самую детскую безмятежность. Я вдруг почувствовал, как время отступило. Ведь ребенок, — я теперь это знаю не из психологии и не из сторонних наблюдений, а по собственному опыту, — ребенок не чувствует времени. Для него есть вчера — и то оно часто путается с позавчера и неделю назад, — а завтра у него нет. Ребенок весь поглощен сегодня, для него существует только настоящее. Он не заботится ни о чем. Вот мы, втроем, шли тогда по этой дороге. Но что это была за дорога для каждого из нас! Я теперь могу приблизительно представить, о чем могла думать мама, так как это было лето и она скорее всего была в отпуске — о прополке, о даче. Может быть, о том, как помочь бабушке. Без сомнения — о том, куда и зачем мы идем. А мы шли в сторону завода ДВП, там был какой-то магазин, и нам нужно было туда. А если бы я мог вспомнить хотя бы несколько дней «рядом» с этим нашим походом, то и маминых мыслей сумел

бы угадать еще многое множество. Но это я сейчас угадываю, а тогда я совсем не думал об этом.

Я тогда, кажется, вообще не думал ни о чем. Я просто шел и смотрел. Я не думал о том, что я буду делать завтра. Я не думал даже о том, что будет через полчаса. Мои шаги, трава, которая проплывала мимо меня по обочинам дороги, тепло маминой ладони, одуванчики, которые мы срывали вместе с братом, — все это было для меня гораздо важнее. Вернее, только это и было единственно важным! Не мог же я думать о том, чего нет (завтра ведь еще не наступило), когда вокруг было так много всего настоящего.

Детская душа вообще питается тем избытком настоящего, который дает нам жизнь, окружающий мир. Взрослые не любят настоящее. Им страшно жить в настоящем — это все равно что жить в присутствии Бога. А взрослые, как правило, не выносят присутствия Бога и поэтому строят себе воздушные замки завтрашнего дня, где можно было бы укрыться от Его всевидящего ока. Или замки дня давно прошедшего, где царствует легкая меланхолическая грусть и где присутствие Бога заменяют собой миллионы замечаемых в детстве деталей. Только у взрослых эти детали, этот зрительный мир воспоминаний становится самодовлеющим, он вытесняет Бога. А ребенок может жить рядом с Богом не прячась.

Да, и самое главное: в том моем переживании заново своей детской души не было греха! Я тогда по-настоящему считал это чудом, ведь, как ни старайся, взрослому человеку своими силами в такое состояние не войти.

Что я имею в виду? В этой заново переживаемой детской душе не было сексуальных желаний. В детстве ведь мужчины и женщины различаются только тем, что мужчины менее болтливы, а женщины — более. В детстве ты не обращаешь внимания на размер груди у проходящих женщин, длину и красоту их ног. Мало того, о сексе как таковом ты еще не имеешь ни понятия, ни ощущения. У тебя просто нет этого опыта, нет даже опыта обычного сексуального возбуждения. Твоя душа еще чиста от этого, она глядит чистыми глазами на мир.

Вот и я тогда пережил то же самое — не просто отсутствие сексуальных желаний, а полнейшее незнакомство с ними, как бы несуществование их в мире. И это-то и было то самое «райское» состояние души, состояние праведности, «будьте, как дети». Вот и думайте после этого, есть Бог или нет.

Это уже потом, в силу причин, о которых здесь речи не будет, я решил, что Бога все-таки нет. Но даже когда Бог из моей жизни исчез, безболезненно, словно его никогда и не было, на светоносность моих детских воспоминаний это никак не повлияло.

IV

Свет был как бы фоном, на котором проходило все детство. Постепенно он затухал, входил в рамки, но не исчезал совсем. Часть его всегда была со мной.

А в самом начале он был везде. Он помогал мне открывать мир, удивляться ему.

Вот мы идем с мамой и папой (брат тоже, наверное, где-то рядом) через ряды ларьков с разноцветными вывесками. Я стараюсь прочитать их, но все равно не понимаю: «Купи-продам», «Ремонт обуви», «Пиво. Водка. Сигареты». Загадочные названия проходят перед глазами, и я понимаю, что в большой жизни столько всего, что мне даже становится немного страшно от этого разнообразия.

— Папа, а что такое «купи-продам»? — спрашиваю я.

— Ну.. купи — продам, — невнятно объясняет папа, показывая что-то руками.

Я смотрю непонимающе.

— Если ты у меня купишь, то я тебе продам, — объясняет еще раз папа, — понятно?

— Да, — я киваю головой, но все равно ничего не понимаю.

Ларьки заканчиваются, и мы выходим на тропинку, ведущую к большим домам. Но меня пока занимают не дома, а цветы около тропинки. Много белых одуванчиков. Я пытаюсь их сосчитать, но сбиваюсь со счета.

«Вот если бы этот одуванчик был очень большой, можно было бы в него залезть? — думаю я, и в моем уме одуванчик вырастает до огромных размеров. Только ствол не вырастает — я боюсь высоты, поэтому одуванчик остается таким же низким. Перед нами лежит как будто огромный пушистый шар. И вот мы с папой и с мамой раздвигаем эти развесистые пушинки на толстых стеблях и протискиваемся внутрь. А внутри тепло и уютно. Но я не успеваю додумать эту мысль до конца, потому что мы заходим во двор.

Двор — как огромный колодец, на дне которого мы оказались, — четыре пятиэтажки квадратом. Если бы я знал это слово в детстве, то понял бы, что меня объят трепет. Дома как бы нависают над нами. Я крепко сжимаю мамину и папину руки — и вот дома уже стоят величественными белыми громадами, а страх исчез. Есть только восхищение.

— Вон, Коля, смотри, нам тетя Люда из окна машет! Помаша ей, — говорит мама и показывает на высокое окно.

Кто такая тетя Люда, я не могу вспомнить, но послушно машу и даже улыбаюсь. Слишком много всего необычного вокруг, чтобы обо всем спрашивать.

Мы заходим в подъезд. Что-то есть смутно знакомое в этих синих облупленных стенах. На них где-то выскоблены, а где-то нарисованы фломастером разные смешные рожицы. Под двумя из них я читаю: «Стас + Оля». «Стас + Оля», «Купи-продам» начинают крутиться у меня в голове, наполняя ее какой-то невнятицей. Я не понимаю этих слов, они для меня — часть большой жизни, которой живут мама и папа и которая мне недоступна. Эх, поскорее бы прийти домой!

И вдруг — о чудо! — мы оказываемся в собственной квартире! Как это произошло? Мы с Лёхой бы-

стро скидываем туфли и несемся в свою комнату. «Как мы сюда попали?» — думаю я и не могу понять. Образы начинают крутиться в моей голове, и вдруг я вспоминаю, кто такая тетя Люда, — это же мамаина подруга из квартиры напротив! Так это значит, что пятиэтажная громада — наш дом?! Я очень удивлен, но не додумываю до конца, потому что уже лежу на полу и катаю одной рукой грузовик с солдатиками.

Так открывался мир. Так из груды обступающих меня неизвестностей выплывали знакомые вещи, и с каждым днем их становилось все больше.

Сначала была только детская комната, а в ней отчетливо помнилась светло-бежевая кровать, в которой дрыгал руками и ногами какой-то малыш. Потом я понял, что этим малышом и был Лёха.

Вскоре помимо кровати, а может и из-под нее, выплыли кубики, машинки, карандаши. Чуть позже — толстый, перевязанный шнурком альбом, с которым я мог часами лежать на полу, рисуя в нем маленьких человечков, убивающих друг друга. Это были русские и немцы. Немцев было больше, но русские были сильнее. Русские всегда побеждали, но с трудом. Вот это-то «с трудом» я и мог рисовать часами.

V

И все-таки эти «райские» воспоминания, этот свет, льющийся ниоткуда на все вокруг, — все это были только обрывки, фрагменты, «кадры» той киноленты, которая могла бы рассказать о моих первых годах. Чем-то все эти светоносные моменты были похожи на детский лепет, милый, но бессмысленный. Я иногда вспоминал их, смаковал, каждый раз, по-видимому, теряя детали и достраивая новые, а потом аппетит мой разгорался, и мне хотелось вспомнить уже настоящие воспоминания, с сюжетом, со смыслом, с событиями. Особенно самое первое воспоминание. Какое же оно? В чем оно?

Но первого в жизни воспоминания никогда не оказывалось. Много было таких — более или менее — первых. А вот самого первого — нет. У брата почему-то было самое первое — причем черно-белое. Лёха сам рассказывал, что первое его воспоминание — это когда он сидит на пороге в нашем барбачевском доме и натягивает сапог. А вокруг все черно-белое. Ну, Лёха вообще считал, что, раз старые фильмы черно-белые, значит, раньше и жизнь такая же была.

Вероятно, самое первое воспоминание было о том, как я поранил руку.

Мы жили еще в старой квартире. И вот надо было идти нести Лёху на прием к врачу. А детская поликлиника тогда находилась через три дома — как раз где сейчас районный архив.

...Лето. Мама несет Лёху на руках (хотя ни лица мамы, ни Лёхи — годовалого — я не помню), а я иду чуть сзади. Мне четыре года...

Конечно, может, садиковские-то воспоминания есть и более ранние, но ведь сейчас попробуй соотнеси! Самое интересное, что я не помнил себя без

брата. Во всех самых ранних воспоминаниях мы с братом были вместе. А брата я старше на три года. И самый мелкий Лёха, который встает в памяти, — это именно этот, несомый мамой к врачу.

...Мама несет Лёху на руках, я иду чуть сзади. И вот прямо посреди двора, где раньше была выбивалка для ковров, я падаю. Мне очень больно. Я реву. Я смотрю на ладонь. Она вся в крови, абсолютно вся. Мама подбегает ко мне (всё так же Лёха у нее на руках), что-то кричит. Может быть, ругает, может быть, сама плачет. Берет меня за здоровую руку и ведет к врачу. Шли с Лёхой, а попали со мной.

Да, и из этого дня и врач помнится, и папа, который не ругал, а как-то поразмыслил над раной. Я вообще часто в детстве папе дивился: он умудрялся даже во время каких-нибудь передышек не ухать, не психовать, не убежать куда-нибудь, а — рассуждать. Его рассуждения успокаивали (хотя я не понимал, о чем он говорит)...

Да, вот такое, наверное, первое воспоминание. Потому что было больно — иначе бы не запомнилось.

Память вообще очень странная штука. У меня даже игра была такая в свое время, — ну, вернее, не игра, а такое представление — сам я его придумал, вычитал где-то, — что если сильно-сильно что-нибудь начать вспоминать, то можно реально перенестись в то время. И со мной едва-едва такое не случалось. Никому я, естественно, об этом не рассказывал — подумают, что псих, — но несколько раз память вдруг извлекала такой ряд связанных картин, что казалось — еще вот чуть-чуть — и я очнусь ребенком в том самом времени. Обычно таким «напряжением памяти» я занимался вечером, укладывая сына спать. Он ерзал рядом со мной, а я переносился в свое детство, пребывал там, как призрак, смотрел на себя со стороны, видел снова маму, папу. И действительно казалось, что я сейчас физически перейду туда, как бы выпаду из реальности и окажусь там, в прошлом. Тогда я вздрагивал, тряс головой, смотрел пристально, как рядом сопит Петя, скинувший одеяло и разбросавший руки и ноги, иногда даже дотрагивался до него, — и мне становилось спокойней: нет, никуда не улетел, тут я. Луна светила в окно, иногда облака закрывали ее, редкие звезды перемигивались в вышине — и я переключался опять на здешнюю жизнь. Сказать, что здесь было лучше, чем там? Вряд ли. Здесь просто все пока были живы. А окажись я там — заново пришлось бы переживать все эти смерти. Нет, взрослому человеку не вынести того, что может вынести ребенок. Порой я и сам диву давался, как нам с Лёхой удалось все это пережить — и не сойти с ума. Если бы все эти события выпали мне сейчас... Нет уж, увольте. То ли психика была уже не та и сил было меньше, чем в детстве, а может, просто прибавилось понимания — жизни, смерти, всего. «Это великое счастье — не понимать», — это Розанов, кажется. Вот у детей это счастье есть. Оно-то меня и спасло тогда. А сейчас я уже все понимаю. По крайней мере, так кажется.

ВТОРАЯ ГЛАВА

I

Катись, катись, колесо! Катится колесо долго-долго. Вот оно покатилося от пушки, у суда прокатилось, у рынка, вот катится по дороге и прикатилось на пищекомбинат. Прикатилось и спрашивает: «Нет ли у вас свежего хлебушка?..»

Я лежу в кровати, укутанный толстым ватным одеялом. Печку недавно истопили, мне жарко, но вылезать из-под одеяла, которое как бы придавило меня, не хочется. Бабушка рассказывает мне сказку про колесо.

В детстве я очень любил рисовать круг. У кого-то из поэтов были строки: «Я в детстве не любил овал, я в детстве угол рисовал». Они запомнились, но были не про меня. Я рисовал именно круг. Вернее, круги. И эти круги у меня были колесами, которые разъезжали туда-сюда по многочисленным бумажкам, которые попадались мне для рисования.

...А с пищекомбината покатилося колесо к железнодорожному мосту...

Этот пешеходный мост через пути в детстве вызывал у меня чувства страха и восхищения. Взойдя на него, можно было увидеть уходящие далеко-далеко серебряные линии рельс, стоящие на них поезда, чем я всегда любовался. Но было и страшно: железобетонные плиты, из которых состоял мост, неплотно примыкали друг к другу, и сквозь этот зазор можно было увидеть землю с большой высоты. Конечно, упасть в такую шель невозможно, но высота сама по себе шекотала нервы. К тому же, когда поезд проходил под мостом, мост чуть подрагивал в такт ему.

С другой стороны, железнодорожный вокзал всегда нагонял на меня — не в детстве, конечно, а позже — тоску и печаль. Да, вокзал — это, как говорится, место встреч и расставаний. Проблема в том, что встречи в жизни, как правило, случайны и мимолетны, а расставания — закономерны и навсегда.

За последние годы я, кажется, только раз оказался на вокзале «просто так»: меня упросил Петя, чья любовь к поездам в тот период была почти безумной. После всенощного бдения, которое он благополучно проспал на клиросной скамейке, мы доехали до вокзала и стали ждать поезда. Поезд вскоре появился, потом еще один и еще. За час мы насчитали шесть штук. Каждый раз Петя чуть не прыгал от радости, менялся в лице, то замолкал, то с жаром что-то говорил, но голос его был не слышен из-за стука колес.

А я в тот вечер вспоминал, как за месяц до этого на этом же вокзале посадил на поезд свою бывшую жену и дочек. Потом они махали мне из окна, посылали воздушные поцелуи, и я им махал, и слал поцелуи, и плакал, но так, чтобы они не видели. А они не плакали, они радовались, потому что думали, что поехали путешествовать в другое место, а я знал, что они поехали в другое место жить.

А потом я возвращался мыслями обратно, слушал Петин восхищенный лепет, что-то объяснял

ему про электричество. Сидел на скамейке на перроне, курил.

Потом на перрон пришла какая-то молодая мама с ребенком. Ребенок почему-то все время рвался подойти ко мне, а мама отводила его в сторону. Петя иногда с любопытством посматривал на мальчика, а потом продолжал говорить про поезда.

Один раз, когда мальчик подошел ко мне вплотную и тронул меня за ногу, а зазевавшаяся мамаша только в этот момент схватила его, я увидел, что у нее нет обручального кольца. Впрочем, она тут же спрятала руку в карман, а потом демонстративно резко оттащила сына, он даже захныкал. А я подумал: «Зачем людям все эти игры? Неужели нельзя общаться просто, не манипулируя друг другом, не стараясь — как сейчас, например — с первых же мгновений показать свой характер и перестроить человека под себя?»

Потом наконец Пете захотелось есть, мы сели на велосипед и поехали домой.

II

...Катится-катится колесо, и прикатилось к бабушкиному дому...

Нет, конечно, скорее всего оно еще куда-нибудь закатывалось по дороге, но пока оно вот так каталось, я уже успевал уснуть. А конечным пунктом назначения было всегда бабушкин дом. Именно туда катились колеса, потому что там спал я.

Бабушкин дом в детстве был моим вторым домом, а если смотреть хронологически, то первым. Именно сюда меня привезли после того, как, пролежав «под колпаком» в вологодском роддоме, я решил, что буду жить. Мама, рожавшая меня тяжело, была еще в больнице, поэтому «выхаживала» меня бабушка, тогда только что вышедшая на пенсию.

Бабушкин дом был в Барбаче, на улице Свободы. Сейчас его уже нет — снесли, когда строили виадук.

Барбач — это микрорайон Шексны, но состоящий почти исключительно из вот таких деревянных домов. Изб. А жители Барбача — не нынешние, конечно, а изначальные — это жители деревни Ковжа и соседних деревень, затопленных во время создания Шекснинского водохранилища. Мой дед еще в начале 60-х — будучи младше, чем я сейчас — разобрал сруб в Ковже, по реке перевез его в Шексну и поставил здесь, в Барбаче. К моменту моих первых воспоминаний дедушка с бабушкой жили здесь уже около 30-ти лет.

Как-то — уже позже, когда ни деда, ни бабушки уже не было, да и самого дома тоже, я подумал: у многих из нас в голове есть такая идиллическая картина: мы, маленькие, живем с родителями в городе, в квартире, а дедушки-бабушки — в деревне, в избе, куда можно приехать на выходные или каникулы.

В моем случае, кстати, примерно так и было, только жил я не в городе, а в поселке (но в квартире), а бабушка и дедушка — не в деревне, а в такой «внутренней деревне», какой является Барбач.

Да что говорить обо мне, если даже рекламщики придумали «Домик в деревне» — отличное название для молока.

Но ведь, в сущности, такое «распределение мест» — лишь исторический курьез. Многие века не только бабушки-дедушки, но и родители и дети жили в деревнях без всякой даже возможности увидеть город. А в скором времени, может быть, все, наоборот, будут жить в городах, а деревня останется только для фермеров да богатых дауншифтеров.

Так что этот наш хрупкий мир, этот наш «домик в деревне» — лишь переходное звено в приводной цепи истории. И лет через 500 историки, может быть, будут искать тот самый «момент», когда цивилизация из «аграрной» вдруг стала «урбанистической». А этот момент — мы.

Мне повезло жить в этом мире, состоящем из города и деревни одновременно. Моей деревней и был бабушкин дом, где я не только отдыхал, но и многому учился.

О, если бы я был художником, то хотел бы зарисовать бабушкин дом во многих ракурсах. Фотографий дома не осталось, а без них память не может удержать все детали. Дом был чем-то очевидным, само собой разумеющимся, «вечным». Но оказалось, что это не так. И вот это «вечное» вдруг обратилось в воспоминание, которое к тому же и вызывается с трудом.

...когда заходишь в сени, там две ступеньки. Первая — низенькая, можно и не заметить, а вторая — высокая. То есть это тогда она казалась высокой, увидь я ее сейчас, возможно, удивился бы. Вторая ступенька была сантиметров на тридцать выше первой.

В небольших сенцах со скошенным потолком направо — окна. На окнах — дядины пепельницы, пачки «Примы», открытые и целые, спички, напильник, мертвая муха, коробок со смотанной удочкой. А удилища — сборные, одно металлическое, другое бамбуковое, — стоят в правом углу, если смотреть прямо от дверей.

В левом углу — большой длинный ящик, а может быть, это самодельный сундук. Даже скорее всего. На нем — два тюфяка и старая подушка. Рядом и под окнами еще какие-то вещи, неразличимые, как фон, но необходимые.

Иногда летом я лежал на тюфяках, когда был маленький.

Перед ящиком, если смотреть от входных дверей, — ступенька и мост, вход в основную часть дома. Но еще не совсем в дом.

А вот перед ступенькой, то есть еще ближе к дверям, — сапоги. И дедовы, и бабины, и дядины, и мамины, и папины. И мои, и Лёхины тоже. И портянки. И, может быть, какая-то другая обувь. А сверху над ними, кажется, были гвозди, и на гвоздях висела одежда. Но, может, и нет.

Да, да! Столько сапогов — в дождливую погоду они все тут стояли. А хозяйева их сидели в теплой из-

бе. Вот и одно из первых воспоминаний почему-то собрало вместе всех-всех. Я — маленький, года 4–5, держу за руку младшего брата (ему около 1,5 лет), тот лепечет что-то на своем тарабарском наречии, а на нас смотрят и смеются — баба, дед, дядя, мама, папа. Все они сидят около стола и печки — большие, громкие, радостные, живые. А братишка лепечет что-то мне и указывает пальцем на окно. Наверное, хочет на улицу.

III

У деревенского дома перед городской квартирой есть то преимущество, что он не ограничен собственными стенами. За этими стенами есть еще огород — логичное продолжение дома, особенно летом, когда люди живут скорее в огороде, а в дом забираются только поспать (и то не всегда). А за этим огородом есть и еще земля, как бы ничья, но на которую никто особенно не претендует. Скажем, одна из поленниц и какие-то наши доски лежали у забора, но не в огороде, а снаружи. За огородом и мы с Лёхой любили играть. В футбол, например. Даже сколотили там самодельные ворота. Но самым дальним нашим местом была канава. Вернее, вторая канава: канав было две: одна из них — почти сразу за забором — была мутная, и в ней водились жирные черные пиявки в палец толщиной; а другая — неглубокая и чистая — на той стороне улицы. За этой чистой канавой была свалка, куда дед или дядя выносили ведро из-под умывальника со всякими очистками: луковой шелухой, картофельной кожурой и т.п. Все это потом перегнивало, и от свалки в итоге не оставалось никаких следов. Даже запаха не было. Все, что не могло перегнить, сжигалось в печке.

У той, второй, канавы мы любили играть. Именно там мы впервые увидели водомерку. Там, в этой канаве, запускали самодельные кораблики. Там, за этой канавой, я, как оказалось, впервые столкнулся со смертью. Но только не понял этого.

Был светлый осенний вечер, мы с Лёхой открыли калитку и побежали за нашу любимую канаву, где у нас даже был свой тайничок. Но за канавой почему-то стоял дед и что-то жег в большой цинковой ванне, помешивая время от времени кочергой. Мы удивленно смотрели за огнем.

— Деда, а зачем ты их жжешь? — спросил я.

— А видишь, когда кто-нибудь умирает, его вещи надо сжигать, — ответил дед. А я даже не подумал, что умер кто-то из «наших».

Мы с Лёхой еще немного посмотрели на пламя и снова побежали в огород.

Лишь позже я понял, что один человек из бабушкиного дома совсем пропал. Это была моя прабабушка. Мы с ней почти не общались, она была старая, полная и, кажется, строгая. Из-за ее полноты я звал ее «баба Тая — вот такая» — и при этом руками показывал, какая. То, что ее вдруг не стало, я как-то не заметил. На похороны, конечно, меня не брали,